

— Адрес запомнил? Я тебя спрашиваю, Гриша Кобрин! Адрес запомнил? — настойчиво повторил старшина Ханыков.

— Запомнил.

— Учти, я на тебя надеюсь, хоть ты еще совсем пацан. Напоминаю, моя винтовка — лучшая прицельная винтовка 1941 года. На майских снайперских учениях 1941 года выбила 99 очков из 100.

— Притащу, не волнуйтесь!

— Нет-нет, именно потому, что волнуюсь, я даю тебе прикрытие. Юрий Чучельский пойдет с тобой до опушки леса, а дальше, в Пружанах, ты своим ходом. Только не высывайся там. Внешность у тебя...

— Что?

— Как тебе объяснить? Немцы подозрительны на твою внешность... Понимаешь?

— Не понимаю.

— Словом, так: не высывайся! И выполняй задание, как приказано.

— Будет сделано. Винтовку разберу на части, спрячу в мешок с картошкой и притащусь. Семейку вашу проведу. Доложу: так, мол, и так, прорываемся к своим. Встретимся после победы.

— Голубчик, так и передай — «после победы».

Тень легла на изможденное лицо старшины. Уже два месяца бредут они по лесу, и что ни день — новая неопределенность. Куда податься? Ни фронта, ни партизан. Тьма сознания! А мальчишкам — что? Сдать бы их под пригляд матери и жены, живущих в этих местах, но до них самостоятельным шагом не дойти. Приходится пацанов посылать на проверку: живы ли, здоровы? А им, сумасбродам, бой подавай. Как же, снайперы! Пусть метки они, пусть сверхметки... Но разве бросишь их в огонь? А как пройти меж огня — к своим, и не угодить в полымя? Это еще та география! На штабных учениях не изучена, на маневрах не опробована. Постигай все на своих ошибках. Но тут война, на ошибках не поучишься, каждая — последняя, как у сапера.

— Иди, солдат, — с тяжелым вздохом сказал старшина Ханыков и отдал Грише честь. Гриша тоже вскинул руку к козырьку фуражки.

— Есть!

Пружаны — городок, знаменитый стрелковым полигоном, где проходили соревнования на первенство Белоруссии по пулевой стрельбе среди школьников, внешне не очень изменился. Некоторые дома, правда, разрушены прямым попаданием бомбы, пара улиц — в рытвинах и ухабах, со следами танковых траков.

Номерные таблички на фасадах домов вели мальчишку к Анастасии Сергеевне и Евгении Никитичне — матери и жене старшины Ханыкова. «Уже недолго, — твердил себе Гриша, пряча глаза от проходящих мимо гитлеровцев. — Полста шагов вперед, потом поворот направо и третий дом от угла с небольшим приусадебным участком».

Когда же, наконец, свернул направо, то почувствовал, как по телу прокатился озноб. Третий с краю дом был наполовину разрушен. Кое-где торчали почернелые от огня стропила. Дранка, слетевшая с крыши, усыпала крыльцо.

«Вот так история! Что я скажу Ханыкову?»

Говорить ничего не хотелось: ни потом — Ханыкову, ни сейчас — самому себе.

Гриша приоткрыл дверь — никого.

Потеряно, шаркая по-стариковски подошвами, прошел в гостиную, усыпанную битым стеклом и спекшимися комками штукатурки.

Напротив, в красном углу, в покореженной, в пятнах копти рамочке, некогда тщательно отлакированной, заметил свадебный портрет Ханыкова.

Старшина ободряюще улыбался, стоя за усевшейся в кресло с букетом цветов на коленях женой. От него, в ладно сидящей армейской форме — кожаные ремни вперекрест, планшетка на боку, усы подкручены по-чапаевски — веяло какой-то былинной силой.

Казалось, он способен взвалить весь этот дом на плечи и унести его, в случае опасности куда подальше, в какое-нибудь укромное место.

Но от дома уже практически ничего не осталось... Война внесла свои коррективы... Нечего было спасать... Впрочем...

Гриша вспомнил, зачем он пришел сюда. Отсчитал третью половицу от окна, выходящего на улицу, подпернул ее финкой, и — открылся тайник. А в нем, как в футляре, лежала снайперская винтовка системы Мосина — трехлинейка, завернутая в парусину.

Гриша проверил затвор: ходит, как миленький. Что ему сделается, когда оружие в надежных руках? Дослал патрон в ствол. Осторожно приподнялся над подоконником.

Выбитая рама. Открытое пространство. Слева, через дорогу, метрах в семи, киоск. Рядом два немца с пенными кружками. Один в форме гауптмана, второй в кожаном

в шляпе, в шляпе с высокой тульей.

«Без пива не можете, суки?»

Гриша аккуратно, без малейшего шороха, примостил винтовку на подоконник.

«Это будет для вас последний глоток!»

Навел оптический прицел на офицера: метр шестьдесят ростом, не больше, глаза голубые, волосы русые, нос маленько помят, как у боксера. Его собеседник был выше ростом, шире в плечах, с родинкой под левым глазом.

«Вот сейчас мы тебя и научим мигать на этот глаз!» — злорадно подумал Гриша: очень уж ему не понравилась родинка. Чем? Кто растолкует — чем? Не понравилась, и все тут: «Мужчины не должны носить родинки не лице — женское это дело!»

Немцы чокнулись пузатыми кружками.

— Гауптман Кайзер!

— Герр Трайгер!

«Молитесь своему Богу!» — зло прошептал Гриша.

Но в тот момент, когда указательный палец снайпера лег на спусковой крючок, в его уши проскользнуло заветное, словно выкраденное из детства: «Зайтн гизунд!»

«Евреи? — опешил Гриша. — Какие евреи? Откуда? И по-немецки «зайтн гизунд» — это, наверное, «зайтн гизунд» — будь здоров! А если — нет?»

Гриша внезапно ощутил какую-то потливую слабость и незаметно для себя самого отошел от ненависти. Ему расхотелось стрелять. Ему хотелось слушать. Слушать чужую речь. Слушать этих немцев, выглядевших, как немцы, но говорящих на идиш. Или это он ослышался? Но говорили, говорили, и он слышал. «Зайтн гизунд!» — слышал собственными ушами. И еще его ухо выловило... Что? Вот что!

Трайгер — гауптману Кайзеру: «Аклейнере ингеле» — «Маленький мальчик».

Гауптман Кайзер — Трайгеру: «Их вейс?» — «Я знаю?»

Что-то еще было на идиш. Но что? Вроде бы совсем фантастическое: «При переходе через фронт, передай нашим, что «Красная капелла» внедрила своего человека в ставку Гитлера, ждем подробной информации о плане «Барбаросса».

Гриша напряг слух. Но больше не удалось ничего различить. Расстояние. Небольшое — семь метров, но все же расстояние. Оно замыкает слова. Но не память. Имена странных немцев Гриша запомнил. Казалось, на всю жизнь. Герр Трайгер и гауптман Кайзер. Он опять напряг слух. Но какой-то посторонний звук, похожий на шмелиное жужжание, задрожал в воздухе, и вмиг разогнал всех по домам.

«Самолет!» — понял мальчик. И еще он понял: сейчас — самое время проскользнуть к лесу, вряд ли кому попадешься на глаза. Не став даже разбирать винтовку, он замотал ее в одеяло, взятое с кровати, и кинулся к лесу, сопровождаемый эхом от разрыва бомб у железнодорожной станции.

Юрчик встретил его, где и уговорились, в яру под тремя сосенками, сбжавшимися к обрыву.

— Гляди, что делает! — восхищенно показывал он на языки пламени, взметнувшиеся у разъезда, — Видать, эшелон с боеприпасами гробанул! Наша машина — «ДБ-3Ф».

— Откуда знаешь?

— У меня на их звук ухо натаскано. Мой батяня служил на таком же.

Юрчик запрокинул голову к небу, отодвинув в заспинье автомат, и из-под козырька ладони всматривался, шурясь, туда, откуда поднимались цветковые сполохи. Серая точка, издающая ровное жужжание, увеличивалась в размерах, обретала сигарообразное очертание, размашистые крылья.

— Никакого прикрытия! — сказал Гриша, высвобождая трехлинейку из свертка.

— А ему никакого прикрытия и не требуется! — запальчиво отозвался Юрчик. — У него знаешь какие пулеметы — артиллерия!

— А скорость?

— Ладно тебе! — махнул рукой Юрчик. — Накличешь!

И, видно, накликал.

— Мессеры!

Вынырнув из-за мохнатого облака, три немецких истребителя, раскрашенные в камуфляжные цвета, с крестами по центру фюзеляжа, догонисто пошли на перехват тихоходного бомбардировщика дальнего действия. Он заложил крутой вираж и попытался оторваться на безопасную дистанцию. Но не вышло. Огненные трассы прочертили воздух, прошли впритирку с кабиной летчика. Самолет задымил, стал терять высоту.

«Все! Конец! — поняли ребята. — Прыгать надо!»

Юрчик сорвал с плеча «Шмайсер». Присел, упер локти в колени. И, взяв на прицел ведущий «Мессер», дал очередь.

— Не переводи патроны! — разозлился Гриша.

— Молчи!

Юрчик был на пределе. В нем на какое-то мгновение возникло ощущение, что за штурвалом падающего ТБ-3Ф он различил собственного отца. И потому, спасая его, он стрелял по «Мессерам», стрелял, стрелял, страшно ощерив рот, пока автомат не заглох и отражатель выбросил последнюю гильзу. Лишь теперь, когда магазин «шмайсера» опустел, и горка отстрелянных патронов испускала легкий дымок, он осознал всю пустоту и глупость затеянной им пальбы.

— Только внимание привлечешь, — жестко сказал Гриша.

— Молчи! Там, может быть, мой папа погибает!

Юрчик со злобой пнул подвернувшегося некстати под ноги ежа, бросил бесполезный автомат на землю. И рухнул следом за ним. Уткнул глаза в мокрый мох, закрыл ладонями уши, чтобы не видеть и не слышать того, что сейчас должно было произойти. Губы его почти беззвучно шептали:

— Прыгайте! Прыгайте!

И будто на зов его голоса, прямо над головой, отделились от бомбардировщика три темных комочка, заскользили с возрастающей силой падения вниз, высветились белыми куполами и упруго зависли в совсем низком уже небе, где-то на уровне ста метров от верхушек сосен.

— Юрчик! Теперь порядок! Идем встречать! — сказал Гриша, беря винтовку подмышку.

Но вражеских самолетов, очевидно, такой «порядок» не устраивал. Они развернулись, вновь легли на боевой курс, и понеслись на беззащитных парашютистов.

Под плоскостями «Мессеров» запульсировали огненные точки. Два шелковых купола вспыхнули, охватили, словно коконом, тела летчиков, и с ускорением бросили их на дно глубокого яра.

Третий парашютист благополучно разминулся с трассой крупнокалиберного пулемета, и плавно приближался к земле. Пятьдесят метров! Тридцать! Двадцать! Еще чуть-чуть, и — здравствуй жизнь!

Однако ас люфтваффе вновь развернулся на боевой курс.

Почти касаясь крыльями верхушек деревьев, металлический стервятник пошел на сближение с беспомощной жертвой.

Охотник на человека нажал на гашетку.

— Мимо! Мимо! Есть попадание!

Восторженное — «есть попадание!» — было последним, что довелось произнести и услышать немецкому майору, сидящему за штурвалом истребителя.

Своей пули не слышат.

Своей смерти не видят.

Гриша опустил ствол оружия.

Протер тыльной стороной кисти заслезившиеся глаза.

И сказал:

— Прав Ханыков. Самая прицельная винтовка 1941 года. Я с ней теперь не расстаюсь.

2

Николай проснулся от пронзительного визга. Мара? Да, кричала Мара. Но не у него под рукой, а метрах в ста пятидесяти, у въездных ворот.

Заполошенно он соскочил с кровати, подушку — в сторону, давай форменку натягивать. И, чертыхаясь, подумал: «По тревоге сапоги — правильнее, раз — и в обувке Бери винтовку и вперед! А с этими ботинками намучаешься, пока зашнуруешь».

Но не босым ведь бежать по разрыв-траве, колочкой поросшей.

Женские крики перемежались русскими ругательствами, не на родном для них языке, с акцентом, но без должной выразительности.

— Деньги давай!

По голосу, машинально определил Николай, — это Ахмед, тот, кто хватанул от него по зубарикам на Гришиной квартире за рэкетирские замашки. Считает, паразит, что никакого Израиля не существует, поселение, мол, находится на палестинской земле, и за это надо платить, в особенности русским, понаехавшим сюда от своих белых медведей, что гуляют по Невскому проспекту.

— Деньги давай!

А это братан его — Юсуф.

— Какие деньги, зараза?

А это? Это Изя Майер, свой человек, охранник поселения! Действительно, откуда ему знать про деньги: не всех же вводить в курс рэкетирских запросов местной палестинской мафии. Впрочем, зря позабыл его проинформировать. Как бы дров не наломал?

И сразу же прозвучал выстрел.

«Узи!» — определил Николай, выбегая из домика. Прислушался: ни стонов, ни воплей раненого зверя.

Точное соблюдение инструкций. Сначала выстрел в воздух, потом на поражение. Но второго выстрела не последовало. Послышался хлопок гранаты, и осколки с противным свистом пронесли мимо уха.

«Черт!» — выругался Николай, вытер пот со лба, повернул кепи козырьком назад, для удобства во время стрельбы, взвел затвор.

На плацу, возле сторожевой будки и ворот в израильское поселение, вырисовывалась довольно занятная, если отбросить страхи, картина американских боевиков.

«Забавно! — подумал Николай. — И пистолет прячут за сливной бачок, как в фильме «Крестный отец». И в заложники берут, точь-в-точь по сценарию фильма «Смерть в подвале». Своих мозгов нет? Впрочем, если и есть, то их им высыплет Гриша Кобрин, старейший снайпер земли израильской, взявший винтовку в руки совсем пацаном, еще на войне с немцами. Кстати, где он?»

Не высовываясь из-за будки, изрешеченной осколками, Николай повернул голову к казарменному кубарю. И заметил Гришу с Юрчиком — они занимали снайперскую позицию у каменного бруствера на крыше.

«Что же теперь? Пуля вылетит — и ага!»

Помахал Грише солдатским кепи, подавая знак: «внимание», но не сунул его под погон, что означало бы разрешение на открытие огня. Надо было прежде разобраться с обстановкой.

Обстановка складывалась в общем-то нормально, если, конечно, позабыть о неучтенной при разработке плана гранате. Оказалось, припрятана она была у старика Ахдаллы, пропущенного на работу в поселение.

«Стариков запрещается обыскивать! — совсем некстати пронеслось в уме. — Очень

гуманно, пока не выпустят тебе кишки. Все они на словах старые, немощные, ничего не видят, ничего не слышат. У каждого — больные ноги, больные руки, им тяжело добираться до родной деревни. Ицик прав: сейчас никого нельзя оставлять на ночь за нашей колочкой. Война! Гони всех на их территорию!».

Граната никого не ранила, разорвалась в будке, выбила окно, посекала на пристеночке глиняные фигурки местных умельцев. Но — что удивительно — не задела осколками миниатюрный радиоприемник Юрчика, висевший там же, на шнурке.

Транзистор, как ни в чем не бывало, анонсировал радиопередачу «Из Ливана, с оккупацией» по рассказу Ефима Гаммера, напечатанному 13 марта 2012 года в литературной газете» в Москве. Она должна была выйти в эфир через три минуты по окончании рекламных сообщений.

«Мой материал,— отозвалось в Николае, и с какой-то грустью подумалось: —Надо бы позвонить в Кирьят-Гат, предупредить маму Моисея — посмертный рассказ о ее сыне».

Но как позвонить? Как предупредить?

Стационарный телефон приведен террористами в негодность, эбонитовое покрытие в дырках, трубка расщеплена. На связь с городом, а тем более с военной комендатурой рассчитывать не приходится.

Впрочем, если честно, эта связь сейчас только помешать может. Первое распоряжение из комендатуры — ясно и без звонка: не принимать никаких решительных действий против захватчиков. Ждать приезда парламентария. Он вступит в переговоры и выяснит условия, на каких террористы согласны обменять заложника.

Велика тайна! Условия понятны и без переговоров. Поначалу — десять тысяч баксов. А если в ответ на вымогательство откажешься платить, тогда... Вот тогда закрутят «политику»: заложника — в обмен на всех наших братьев, страдающих в Израильских тюрьмах.

А страдают за что? За то, что попались, когда шли убивать (или уже убили) безоружных евреев. Либо за воровство, угон автомашин. Мало ли за что? Кодекс вменяемый, на всех подберет статьи закона.

Николай положил ствол винтовки на основание посеченной осколками оконной рамы и сквозь дверной проем — напротив — взял на мушку Ахмеда: усики, витая шевелюра, глаза с поволокой, а в них томление вселенского масштаба. Это томление, впрочем, отнюдь не мешает левой его руке покоиться на горле Мары. В правой — «Макаров», приставленный к ее виску. Рядом Юсуф и Ахдалла наизготовку с ножами для забивания скота.

— Деньги давай! — повторил Ахмед.— Деньги или ее жизнь!

— У меня минус в банке! — вразумительно разъярял бандитам свою финансовую несостоятельность Изя, так и не врубившийся в ситуацию.

— Зови на разговор Ури! А то поздно будет! — угрожающе помахал ножом Юсуф.

— Ребята, не шалите! На два ваших ножа у меня припасена одна очередь.

— А на пистолет? — вызывающе улыбнулся Ахмед.

— Пуст твой пистолет, как и твоя башка! — бухнул Изя.

— Ха!

— Он правду говорит, балда кудлатая! — послышалось со стороны.

Ахмед повернул голову на Ицика, скорым шагом приближающегося к нему. И мгновенно перевел «пушку» на бывшего милицейского следователя, чтобы не зарывался, помнил свое место в «раскадровке» ситуации, и остановился, как это происходит по воле режиссера, метрах в пяти от пули.

Ицик остановился. В пяти метрах от пули, которой, как понимал, в наличии нет.

Террорист снова притер ствол к виску Мары, уже не дергающейся, а спокойно ожидающей развязки этой, совершенно идиотской в своей неправдоподобности истории.

Ей тоже было непонятно требование грабителей. «Деньги! Какие деньги? Наличных

нет даже в поселковой кассе. А чеки? Ни один банк не обналичит этим разбойникам с малой проселочной дороги чеки, выписанные за оплату воды и электричества».

— Десять тысяч баксов! Или будет пролита кровь! Мы ждем! — давил на басы Ахмед.

— Никто вам не заплатит ни агоры!

— Заплатите! Даю на размышление две минуты! Потом — смерть!

Ицик, в соответствии с ходом мысли советского оперативника, располагал безотказным средством для обезоруживания и добровольной сдачи в плен не слишком изворотливого на бандитские выкрутасы противника.

— У тебя нет патронов, балда! Не веришь? Вот! — вытащил изъятую обойму и показал ее, держа в горсти. Ночью мы обнаружили этот пистолет за сливным бачком и вынули патроны. А пистолет оставили — для приманки. Иначе вас в суд не потащишь — без пистолета».

— Ха! — повторил Ахмед. — Минута! Потом — смерть!

Ицик произвольно, подчиненный приливу злобы, сдвинул пальцы в кулак, и... Большой палец податливо ушел вовнутрь обоймы. Нет, не наполовину, не на треть — всего на мизинец. Но и этого хватило, чтобы его лицо, секунду назад источающее уверенность и превосходство, как бы потеряло самое себя, осунулось, побледнело, и, более того, приобрело какой-то «могильный» серый оттенок.

«Один патрон был в стволе! — с той же внезапностью осознал Николай. — Как же Ицик не проверил затвор, когда вынимал обойму? А еще бывший следователь!»

— Время пошло! — злорадно, в точности с титрами из какого-то вестерна, оповестил Ахмед. — Тридцать секунд! И — смерть.

Он опять приставил пистолет к виску Мары.

Николай оглянулся на крышу, снял кепи, предупредительно помахал им, сложил пополам, и спрятал под погон.

Выстрела он не слышал. «Глушитель!» Но результаты снайперской работы увидел тут же.

Ахмед свалился ничком, не успев схватиться за простреленный лоб.

Мара кинулась за будку, спасаясь от ножей.

Ножи кинулись за ней вдогонку.

Но их опередили пули из израильского автомата «узи».

В бывшем конвоире советских зеков младшем сержанте охранных войск товарище Изе Майере сработало вбитое в него кирзовым сапогом правило: «Шаг в сторону считается за побег». И он открыл огонь на поражение.

Гриша Кобрин с усмешкой подумал о том, что и он, старик, все еще пригоден для войны, как и его трехлинейка системы Мосина. Он передернул затвор «лучшей прицельной винтовки 1941 года», которая, по словам старшины Ханькова, на предвоенных снайперских учениях выбила 99 очка из 100, а в его руках угробила больше сотни гитлеровцев. И взял в перекрестие прицела еще одного террориста.